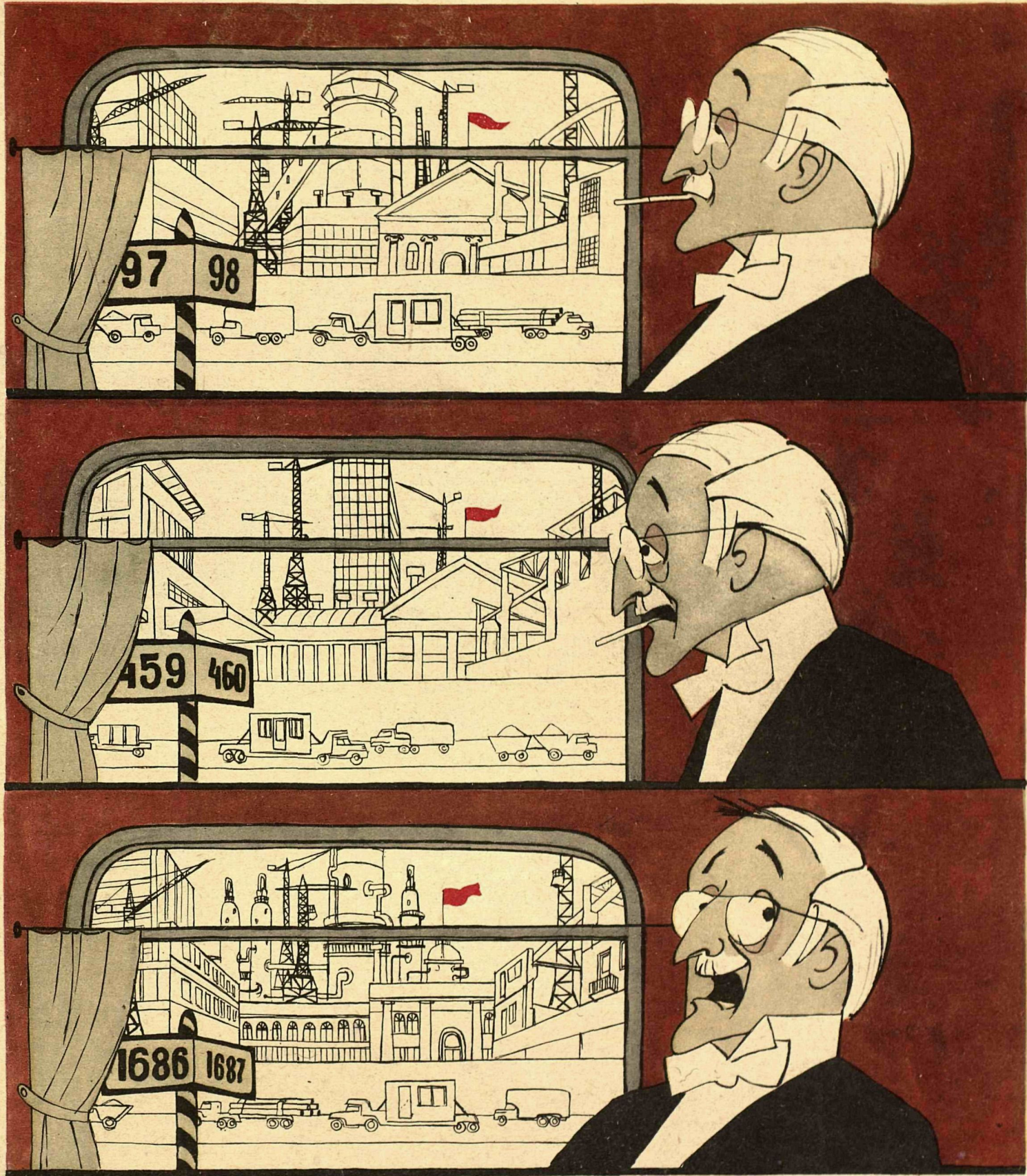

О Т М О С К В Ы Д О С А М Ы Х Д О О К Р А И Н...
(Путешествие одного заокеанского туриста)

— Хэлло, проводник! Мы едем или стоим на месте?

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

КРОКОДИЛ

№10 (1804) апрель 1966

год издания сорок четвертый

Из дальних странствий
возвратятся...

ДЕВЯТЬ КРУГОВ ДАД

Крокодил снова приехал в Рудный — к своим подшефным. И угодил как раз в тот день, когда Соколовско-Сарбайскому комбинату вручали орден Трудового Красного Знамени.

Ордена приятно и получать и вручать. Гремел туш, нестройно, но с большим чувством исполненный любительским духовым оркестром. Под эти жизнерадостные звуки председатель Совета Министров Казахстана М. Б. Бейсебаев, неофициально улыбаясь, приколот орден к красному знамени комбината.

И в зале все улыбались. Вполне законно улыбался директор комбината Николай Фаддеевич Сандригайло. А увидев Крокодила, директор дружески подмигнул ему — как-никак старые знакомые. Их дружба всякое рождала: и лирические репортажи и язвительные корреспонденции контрольного поста... Но кто старое помянет, тому глаз вон. Тем более, что в последние годы, в годы между съездами партии, рудненцы не подкачали: выполнили 292 миллиона кубометров вскрышных работ, добыли 70 миллионов тонн сырой руды и дали более трех миллионов рублей сверхплановой прибыли.

За окнами бушевала метель, но в клубе было тепло от центрального отопления, усиленного жаром сердец. Крокодил с удовольствием жал руки старым знакомым, но новых оказалось больше: много воды утекло с 1959 года — начала шефской помощи стройке. И теперь он снова приехал посмотреть, что изменилось в Рудном. На следующее же утро Крокодил отправился на Соколовский рудник.

***

Рудник — это гигантский пирог. Но, чтобы добраться до начинки — рудного тела, — надо сгрызть много слоев вскрыши. Затем по спиральным откосам пойдут дороги на дно котлована. Там — железная руда, запасы которой практически неисчислимы.

Мы стоим над обрывом, и вниз уходят малахитовые или темно-бордовые откосы вскрыши. В них вкраплены желтизна серы и антрацитовый блеск скальных пород. Но это многоцветное великолепие еще не цвет руды. Руде присуще благородное, скромное маренго. Все это покрыто жемчужным полуслажем небосвода. В него, шипя, ввинчиваются тревожные алые ракеты. Потом они опускаются в котлован, озаряя бордюры спящим салютным светом.

Подготовка к взрыву начинается с ракет. По дну котлована, как в кино, разбегаются черные фигурки взрывни-

ков. Мы наверху, у диспетчерской рудника. Надо прятаться, но мы хитрим, не уходим, и к нам уже бежит сам «начальник взрыва» Темир Джансарин. Несмотря на наши мольбы (художник даже хотел встать на колени), нас загоняют в безопасную зону. И пока мы в отместку мучаем Джансарина анкетными вопросами, гремят один за другим шесть взрывов.

Едем вниз, к поднятой взрывом руде. Ее уже черпает машинист экскаватора «ЭКГ-4» комсомолец Леонид Коваленко. Ему 25 лет, у него двое детей и жена, которых он очень любит и которыми аккуратно приносит до трехсот рублей в месяц...

Рукотятка на себя — четырехтонный ковш летит вверх, раскрывается клыкастый зев, и рудные буты с грохотом сыплются в кузов «МАЗа». Двадцатипятитонное чудовище сотрясается и как бы переступает с колеса на колесо. Даже издали смотреть страшновато, а водитель чудовища Вася Загирный сидит себе в кабине и покуривает папироску. Последний ковш — и мы едем к электровозу Героя Социалистического Труда А. И. Дулкиной, которая повезет руду в думпкарах на обогатительную фабрику.

Но тут-то и начинаются сложности. Есть руда богатая, «голубых» железных кровей: 60 процентов железа и до 0,8 процента серы. Она настоящая аристократка, ей легче: прямо с фабрики доменных и мартеновских руд она поедет к металлургам.

Есть руда бедная: 40 процентов железа и 4,5 процента серы. Ей предстоит пройти девять кругов. Но не ада. В аду грешники, попадая из котла в котел, деградируют буквально на глазах. А тут руда облагораживается, поступающая в фабрики дробления, в корпуса сухой и мокрой магнитной сепарации.

...Итак, думпкар выгружен в главную дробилку. Жутко вздыхая и колыхаясь, огромная груша-молох дробит рудные монолиты. С грохотом вертятся барабаны стержневых и шаровых мельниц...

Но вот продукт обезвожен в дисковых вакуум-фильтрах. В нем уже 64 процента железа. Его можно отправлять и на Магнитку, и в Норильск, и в Юргу. Но лучше делать из концентрата окатыши — полуфабрикат металлургии. Окатыши, багрово-искрясь, вываливаются из жерла обжиговой печи. Они похожи на шрапнель, которой наши бомбардиры рештели под Шипкой янычаров. Окатыши удобно транспортировать, это — идеальное сырье для домен.

Все чудеса нам показывает начальник техотдела А. К. Рябов. Кстати, отметая

суеверия, мы заранее поздравляем его с успешной защитой кандидатской диссертации и по-крокодильски желаем ему ни пуха ни пера. Пользуясь случаем, поздравляем с орденом лучших людей Рудного: бригадира строителей А. Деркача, отделочницу Машу Мусиенко, Николая Рожкова, поднявшего первый ковш сарбайской руды, и шофера Барышева, и слесаря Адильхана Ажимова...

***

Первым же вечером Крокодил заблудился в Рудном. Он самонадеянно думал так: «Пойду на центральную — Пионерскую улицу, погуляю и вернусь писать вдохновенное полотно».

К гостинице подкатил автобус, но Крокодил отверг услуги городского транспорта: он все помнит.

Но Пионерская улица не обнаружилась. Крокодил устал, кашне его съехало набок, а вилы было просто противно нести. Их хотелось снять с натруженного плеча и сложить к подножию Дворца культуры, недостроенного по вине «Соколоврудстроя».

Оказалось, что улица Пионерская, оставаясь почетной и исторической, уже давно не самая центральная, а так, довольно скромная улочка. Нечто вроде четвероюродной кузины на именинах у фешенебельных братьев — проспектов Ленина, Мира, Космонавтов.

Покрываясь тяжелым бисером пота, Крокодил бродил по Рудному, а вокруг выселись многоэтажные дома, широкоэкранные кинотеатры, универмаги, парки и монументы.

На Главпочтамте работники связи дали нам интервью. Телефонистки знают решительно все. И то, что в 1959 году Рудный насчитывал 42 тысячи жителей, а теперь число их перевалило за 100 тысяч. И то, что жилой фонд города составляет более шестисот тысяч квадратных метров. И то, что почтово-телеграфная «география» Рудного сложна и интернациональна. Город переплывается с Камчаткой и Калининградом, Нарьян-Маром и Парижем. Разумеется, город телефонизирует родным и знакомым, трестам и министерствам.

— Ну, а слышимость, слышимость как? — насторожились мы.

— Нормальная. Иногда, правда, бывает скверная. Когда командированный просит у жены «подкрепления». Жена сразу начинает в голос кричать: «Лапочка, что-то плохо слышно!..»

Но вот чего не знают телефонистки, — они не в курсе войны, которую ведет город с проектными планирующими организациями. Ибо она ведется не телефонными перестрелками, а в осадных условиях межведомственной переписки.

Когда-то, проектируя жилищные ресурсы, не учли, что город сплошь молодежный и что план рождаемости здесь перевыполняют: две тысячи пятьсот мальчуганов и девчушек в год!

Грубо говоря, при составлении планов обмишурились. Население скакнуло до 100 тысяч, но план строительства жилья, детских учреждений и школ остался на прежнем уровне. А теперь исправлять положение почему-то не торопятся.

Есть у города еще одна важная проблема, требующая скорейшего разрешения. Производство рудное, оно сугубо мужское. И верные подруги просят: «Ну, хотя бы фабрику макаронную завели или швейное предприятие. Мы бы этим гордецам-мужикам показали по части героического труда...» Но, увы, такие фабрики строят в других местах.

***

Находясь в Рудном, Крокодил обедал в ресторанах «Тобол» и «Кристалл». Он там ел азу по-татарски, мясо по-ка-

захски и даже таинственное, но очаровательное блюдо с грозным именем «мититей». Затем шли бифштексы, затянутые в яичную френчную пару, и лангеты по-домашнему в луковых смокингах. Хороши повара в Рудном!..

К услугам рудненцев — кафе «Снежинка», «Лакомка», «Строитель» и прочие едоцкие точки на 5 тысяч посадочных мест. Мы тоже внесли энную лепту в восьмимиллионный общепитовский оборот. Мы обедали и ужинали под звуки большого танцевального трио ресторана «Кристалл» — скрипки, гитары и пианино. В паузах джазисты печально и сурово клали головы на инструменты.

— Где же контрабас? — кричали им из зала ценители эстрадного жанра.

Музыканты молчали. В самом деле, ансамбль без контрабаса — это все равно, что котлеты по-полтавски без чеснока!

Администрация «Кристалла» предпринимает героические меры по привлечению специалиста-джазвика. По этому поводу в газетах даже дали специальное объявление. Раньше в Рудном искали ночного сторожа на шикарных условиях: парадная двуспальная комната и две ставки по совместительству. Теперь ищут музыкантов...

Молодежи свойственно одеваться модно. Хлебом не корми, но дай ей пиджак с разрезом. В связи с этим Крокодил обратился с вопросом в ателье мод при местном быткомбинате: как обстоит дело по части «последних криков»? И нам показали на выбор парижские фасоны «Божур», рижские «Ригас модес» и модели местных мастеров. Только вот с материалами хуже: жадный Кустанай, залегший на большой дороге, перехватывает все лучшее.

В отделе ремонта мы обратили внимание на стиральные машины «Нистра». Это самые красивые плохие машины в Союзе. Минуса потребителя, их направляют сразу же в ремонт, а местные чудодей-умельцы сами делают к ним запчасти из тряпочек и пуговиц...

Перед отъездом мы побывали и в дамском салоне «Незабудка».

— Что это у вас? — спросили мы, увидев в углу странный прибор. Посетительницы почему-то избегали его.

— Э,— мстительно сказала мастер Т. П. Казакова, — это сушар, выпускаемый алма-атинским заводом имени Крючкова. Хорошо бы посадить под него директора этого завода. Его сушары идеально жгут и вырывают волосы клиентуры...

***

На этом пора кончать. Не воспринимайте заголовок репортажа буквально. Не думайте, что здесь, в Рудном, действительно рай, этаким хрестоматийный парадиз, где сплошные передовики, сияя нимбами, скучно гуляют по коммунхозовским кушам и наигрывают на цимбалах карагандинского производства. Нет. Есть и неполадки, есть и неудачи, и ошибки... Но жить в этом городе хорошо.

Он лежит на берегу Тобола. Он такой сбитый, удобный, компактный. Этот город хочется положить на ладонь. Но удержать его в руках невозможно. Он ширится неотвратно, в нем скоро будет 200 тысяч человек, свои небоскребы, пляжи и дворцы.

Бывает, правда, что из него и уезжают. Это рвачи. На вокзале мы видели одного летуна, оседлавшего колоссальный чемодан. Летун утирался платком.

— Уезжаю я от них, — показал летун в сторону оставшихся рудненцев. — Какие-то они фанатичные... Какие-то они все строители нового...

А. КРЫЛОВ,
Вл. МИТИН,
специальные корреспонденты
Крокодила

г. Рудный.

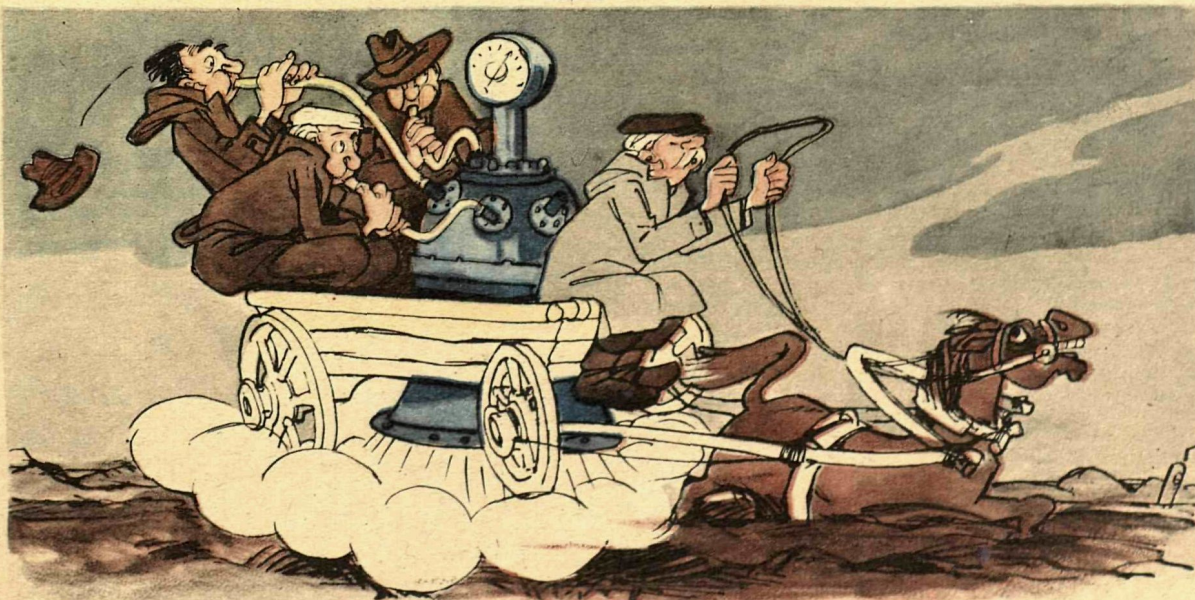
К о м у п л а т и т ь ?

— Это что! Попробовал бы он сунуть голову в кабинет нашего директора!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Р А Ц П Р Е Д Л О Ж Е Н И Е К Р О К О Д И Л А

Телега-вездеход на воздушной подушке.

Рисунок Г. ИОРША

Вот ведь какая история.
Заказал однажды Костя Фомин костюм. Сшили ему костюм. Хороший. Рукава и штанины не перепутаны. Все на своем месте. И даже пуговицы пришиты. Костя Фомин доволен. Портной Борисыч получил грамоту и благодарность. За шитье костюма было уплачено сполна. Но не портному Борисычу, а... Косте Фомину.

— Ему-то за что? — спросил портной директора ателье.

— За содействии пошиву, — кратко ответил директор.

— Какое содействие? — заплакал портной. — Шил-то ведь я!

— А он содействовал, — настаивал директор. — Приходил на примерку. Ноги подставлял, спину. Без его спины и ног ты разве сшил бы что-нибудь? Кстати, он тратился на троллейбус, ездил с окраины в центр.

Зареванный портной ушел в другую мастерскую, а Костя удивился такой постановке вопроса, но деньги и костюм взял. Дают — бери.

Говорят, что директора этого потом перевели куда-то. Куда, не знаем. Но о нем нам напомнил один недавний случай. Речь уже шла не о штанах и пиджаке.

Года три тому назад в Краснодарэцстрой прибыл важный документ — приказ председателя Государственного производственного комитета по энергетике и электрификации СССР за № 29. И с приложением — перечнем работ по внедрению новой техники, за которые может быть выдана премия.

— Ребята! — зашумели строители. — Нужно внедрять новую технику на нашей Краснодарской ТЭЦ. Сделаем хорошо — честь нам и слава! Опять же премия согласно приказу.

И ребята, засучив рукава, внедрили все, что нужно было внедрить. Сделали в срок. Сработали отлично: на всесоюзном смотре заняли одно из первых мест. И грамоту почетную получили. А премию — извините, премию не получили.

Обратились в родной комитет.
— Ничего, успеете. За нами не пропадет! — обнадежил строителей заместитель председателя техсовета С. П. Гончаров.

Прошло полгода. Снова постучались краснодарские строители в комитет.

— Ничего не получите, — заявил начальник Главтехстройпроекта А. Боровой.

— Почему? — удивились строители. — Ведь есть приказ.

— А приказ-то не про вас.

Стали разглядывать госкомитетский документ.

Что именно нужно внедрить — в документе указано.

Где внедрять — указано.

Что за это внедрение полагается премия — указано.

А вот кто должен премию получать — не указано. Места, что ли, не хватило или наборщики по ошибке графу одну выбросили, только о главном — молчок.

— А разве не ясно? — спросили строители. — Кто внедрял, тому и премия.

— Вам ясно, а нам не ясно. Ежели недовольны, возбуждайте ходатайство.

Никуда не денешься, надо возбуждать. И начали обиженные обивать пороги. Порог института «Теплоэлектропроект» топтали напрасно. Там только признали заслуги строителей, а денег не дали. Начали обивать второй порог — Главтехстройпроект. А оттуда говорят:

— Нам что! Нам не жалко. Тем более, вы заслужили. Но очень против товарищ Гончаров.

— Какой Гончаров? С. П.?

— С. П., — подтвердили товарищи из главка.

— Так он же сам еще во-он когда обещал премию!

— Он да не он. Товарищ Гончаров тогда был заместителем председателя технического совета. А теперь он председатель совета по новой технике. Разница? Так что он вроде бы и тот, да не тот...

Представьте, премию все-таки выдали. Но вовсе не каким-то там строителям. А Краснодарской ТЭЦ, на которую эти строители работали.

За что? А за то самое. За содействие внедрению. В самом деле, представили они свою ТЭЦ для внедрения? Представили. А если бы, допустим, заартачились — и внедрения не было бы.

— Странно! — удивился директор ТЭЦ Иван Афанасьевич Веснянкин, когда ему сообщили об этой нечаянной премии. — Не знаю, за что, но... если дают — бери... И взял.

Л. АЛЕКСАНДРОВА,
А. БЛЕХ

СТАРИК РЕНТГЕН БОМБАРДИРУЕТ...

Книга густо заселена молодцеватыми старшинами, энергичными, но увлекающимися лейтенантами и мудрыми, рассудительными полковниками. Все они гонятся за преступниками, которые взламывают магазины, вскрывают сейфы, браконьерствуют, не останавливаются перед смертоубийством и не чураются примитивных подлогов.

Изловить преступников, судя по книге, не так уж трудно. Потому что почти все они, словно сговорившись, удирают от милиции на «Волгах», окрашенных в голубой цвет. Да и внешность у этих врагов общества самая отталкивающая. Чем только не наделили их авторы помещенных в сборнике очерков: отвратительными тонкими усиками, глазами навывкате, голыми черепами, сведенными судорогой щеками.

Правда, хитрые преступники действуют в перчатках, не оставляя отпечатков пальцев. Зато в распоряжение старшин, лейтенантов и полковников поступают обломки ножей, отски подошв, обрывки газет, обертки от сигарет и уйма всякого иного добра, весьма полезного в розыском деле. А криминалистическая лаборатория?! Где уж тут убежать от милиции, когда «темные чары нечистой руки трухляво рассыпаются под мощной бомбардировкой частиц старика Рентгена!» Частицы старика тоже крепко подсобляют!

Издательство «Казахстан» намеревалось выпустить сборник о людях, ведущих самоотверженную борьбу с нарушителями общественного порядка. Но таких людей в недавно появившемся сборнике «Расследование продолжается» нет и в помине. Их подменили сплошные схемы и штампы, ничего не дающие ни уму, ни сердцу читателя.

Самое поразительное, что эта очень посредственная книга объемом около двухсот страниц выпущена в количестве 380 тысяч (триста восемьдесят тысяч!) экземпляров. Ни один классик еще не удостоивался в Казахстане таких могучих тиражей!

Надо бы начать расследование по поводу выпуска сборника «Расследование продолжается». При этом можно обойтись без старшин, лейтенантов и полковников. Распутать узел смогут и работники Комитета по печати.

Е. Ш.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ

Рисунок Н. Лисогорского

ВАРИАЦИИ С КОНТРАБАСОМ

«Наша Марна» — с таким девизом на рекламных щитах в городе нефтяников Отрадном появились извещения об эстрадных концертах ростовских артистов под руководством конферансье Игоря Левковича.

Отраденцы всегда гостеприимно встречают артистов. За минувший год в клубе «Нефтяник» успешно выступили калининградцы, ленинградцы, москвичи, иркутяне, артисты Украины, Грузии, Молдавии, киноактеры М. Кузнецов, М. Козаков, композитор Милютин. Неплохо выступили и ростовчане. А пародист Игорь Левкович напоследок пошутил: «Нам дорого ваше внимание, но и мы вам, наверно, недешево обошлись...» Отраденцы добродушно посмеялись. Но зловеющий смысл этих слов стал понятен лишь на второй день после отъезда гостей.

Утром артисты взломали на сцене три двери и прихватили наш новенький контрабас. Нам же оставили свой старый (затянув его нашим чехлом!). Не правда ли, благородно, дружище Крокодил? Мы, впрочем, не оценили такой «заботы» и послали в Уфу своего работника Г. Антонова и оперуполномоченного милиции тов. Гусьянова.

Приехали наши гонцы в Уфу, и артисты растерялись. Контрабас, говорят, заберите, это нечаянно, с похмелья перепутал музыкальный руководитель Рудольф Баженов. Так объяснил руководитель группы И. Левкович. И деньги, говорит, за проезд возьмите.

Конечно, Антонов привез из Уфы наш контрабас. Но денег от Левковича не взял. И правильно сделал! Счет за ремонт дверей, за проезд в Уфу и обратно мы высылаем вам, товарищ директор Ростовской госфилармонии! И просим срочно деньги перечислить по адресу: Куйбышевская область, гор. Отрадный, расчетный счет клуба «Нефтяник» 70015.

А кроме того, хотим предупредить клубных работников из других городов: «Осторожно! Ростовская эстрада «Наша Марна» может дорого вам обойтись!»

Павел РУДЕНКО, председатель правления клуба «Нефтяник», Константин ШИРМАНОВ, руководитель эстрадного оркестра, Валентина ЮДИНА, секретарь правления клуба «Нефтяник».

Весенне-летние моды 1966 года

Что сегодня носят

(в издательства и театры)

По-прежнему в моде тройка: роман — пьеса — киносценарий. Большие накладные карманы. Наблюдается тенденция к укорачиванию пьес и удлинению сценариев. Отделка и антракты не обязательны.

Предлагаются пьесы на каждый день из немнущегося, но быстро линяющего материала. Цельнокроеный герой, пуговицы в тон газетным передовицам. Преобладают голубые цвета. Шитье белыми нитками.

Костюм-комеди! В основном из импортных материалов. Рекомендуются отделка искусственным смехом.

Широкое распространение получили платья типа научно-фантази. Преимущественно без блесток.

В связи с явной тенденцией к кооперированию большого числа авторов ателье рекомендует не больше трех мэтров на единицу изделия.

В нынешнем сезоне, как и в прошлом, успешно шла борьба с законным браком. Преобладает фасон: кокетка, свободный покрой, постоянно сходящиеся и расходящиеся полы.

Имеется модный материал и для детей школьного возраста артикула стрип-тюз.

Круглосуточно работает бюро бодрых услуг по починке, лицевке и перешивке поношенных вещей.

Им. ЛЕВИН

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

СУДЬБА-ИНДЕЙКА

Коктейли все
испробовал,
все коньяки пивал,
все твисты

с рок-н-роллами
он перетанцевал.
Без принципов,

без совести,
стиляга, медный лоб,
он стал героем повести,
читавшейся взахлеб.

В докладах фигурировал
отбившийся от рук,
и киноглаз фиксировал
беспутного...

Но вдруг
проснулась совесть
в лодыре.

И сразу поворот:
его не ищут «оперы»,
дежуря у ворот.
О нем забыли лекторы,
памфлетов смолк

трезвон.
В лучах
кинопроекторов
купаются не он...

Он стал подручным
слесаря,
за честный взял труд.
Но кесарево кесарю
теперь не воздают.

Его судьба
писателей
не занимает,
он

в потоке показателей
и сводок растворен:
по линии

спортобщества,
в аспекте трудовом,
в разрезе

производственном,
квартирном, годовом.
Глядят цифири скучные
с доски на верстаки...

Берет тоска подручного
в железные тиски.
Ни баснями, ни одами
не устан трудный

путь...

Проснулась совесть
в лодыре.
Но может, и уснуть!

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Эта мечта томила меня с самой молодости. И томила тем более неотступно, что я всегда отдавал себе ясный отчет в ее полной неосуществимости.

А мечта была потрясающе честолюбивой. Я хотел сочинить песню, такую песню, которую подхватил бы весь народ, которая вошла бы во все сердца, которую, где ни начни, подтягивал бы каждый.

Конечно, даже самым замечательным поэтам и то не всегда удается сложить такую песню.

Но я ж и говорю, что мечта моя была не просто честолюбива, а потрясающе честолюбива!

И вот однажды в Ялте, в самом рядовом доме отдыха, судьба свела меня за одним обеденным столом на весь срок путевки с таким человеком, что у меня дыхание зашлось, когда я услышал, с кем мне посчастливится сидеть рядом.

Нет, я не могу назвать фамилию этого поэта и сейчас. Он жив, продолжает писать... И, к сожалению, не создал больше ничего лучше той песни, о которой я говорю и которой он прославил себя навеки.

Поешь ее — и как будто весенним дождем омывает душу, и солнце светит ярче, и дышится легко, и звенящий стеклянный простор кругом...

— Вы не знаете, — спросил меня поэт (это был его первый вопрос ко мне), — я забыл осведомиться у сестры-хозяйки: тут можно подогревать перед едой «Ессентуки»?

— Не знаю, — ответил я недоуменно. — А разве минеральную воду надо подогревать? Она ж, наверно, становится невкусной?

— Счастливцев! — криво улыбнулся поэт. — Юноша! Я вижу, у вас никогда не болела печень...

И тут я заметил, что, правда, лицо моего соседа все время перекашивала брезгливая гримаса, будто ему тошно от всего на свете. Оно отливало нездоровой желтизной, плоское и острое в профиль, как перочинный ножик. Поэт был, конечно, много старше меня, почти совсем старик: ему было уже года 32—33, не меньше. И совершенно по-стариковски у него на носу, на самом кончике, сидели круглые, свиные очки. Впрочем, они, по-моему, не были ему нужны. Он смотрел на все окружающее, так низко наклонив голову, которую была не в силах выдержать его тонкая, цыплячья шея, что было непонятно, зачем ему очки: он смотрел на все поверх них.

К вечеру меня уже расспрашивали многие из нашего дома отдыха:

— Слушай, это правда, что с тобой за столом тот самый поэт сидит, который...

Я отвечал:

— Правда.

— Ну и какой он?

Я отмалчивался. Что я мог сказать? Тем временем многие девушки стали давать кругляя, направляясь в столовой к своему столу, лишь бы пройти мимо нашего.

Мой сосед, кажется, не обращал на это никакого внимания: так он был углублен в анализы своей крови или во что-то там еще, а может, в свои стихи. Он непрестанно что-то шептал: не то складывал строчки, не то потихоньку проклинал свою печень. Во всяком случае, вслух он говорил со мною только о ней. И через три дня я уже начал жалеть, что нас посадили вместе.

Но однажды вечером он пришел к столу еще более горестный, чем всегда.

— Что с вами? — невольно поддался я первому порыву души и, только уже задав такой опрометчивый вопрос, сообразил, какую лавину жалоб, наверно, навлек им на себя. Замучит! Весь ужин будет доминать меня подробными описаниями, какой у него мерзкий вкус железа постоянно во рту и как ему противна любая пища... Будет указывать печальными глазами на аппетитный бифштекс с ломтиком лимона, поданный мне, и расписывать, как ему тошно от кислого, и от жареного, и от запаха сливочного масла, в котором плавает картошка, поданная мне на гарнир к бифштексу...

Но неожиданно я ошибся. Он даже не посмотрел на мою тарелку. Он промолчал в ответ. Больше того, он продолжал молчать и дальше. Я успел спокойно съесть почти весь бифштекс и решил, что он вообще, слава богу, не расслышал моего вопроса.

Но так же неожиданно он очнулся. И ровным, унылым, как всегда, голосом рассказал мне, что он возвращался сейчас с набережной на ужин, шел короткой дорогой, прямо вверх, по нескончаемой уличной лестнице, где на каждой площадке стоит скамья, утопающая в зелени. Подходя к очередной площадке, он услышал несшийся со скамьи приглушенный голос какого-то парня. Парень напевал его песню. И хотя уличные фонари еще не были зажжены, а на дворе было уже темно, мой близорукий поэт все же разглядел, что парень обнимал за плечи тоненькую девушку. И, несмотря на то, что пел парень плохо, хрипло и безбожно перевирал мотив, девушка все-таки гладила парня по плечу...

И тогда поэт, делая вид, что ему зануджилось от крутизны лестницы, приложил руку к сердцу и остановился в полутьме на этой площадке, чтобы продлить свидание со своей песней.

Но парень прекратил петь и решительно подошел к моему соседу с намерениями, смысл которых не оставлял никаких сомнений... Однако, увидев, что перед ним старик — парень был, должно быть, моего возраста, — сказал, цедя сквозь зубы каждое слово:

— Проходил бы ты, папаша, подальше отсюда. Понятно? Потому что куда ты в такой песне? Третий лишний!

Милая наша официантка Тонечка подошла, заботливо справилась у моего соседа:

— Вы что ж это совсем не кушаете?

Но он лишь молча, кивком головы поблагодарил ее за внимание, встал из-за стола и, так ни до чего не дотронувшись, ушел. Тоня недоуменно спросила меня одними глазами: что это, мол, с ним?

Я так же, без слов, пожал в ответ плечами...

...Говорят, высшее признание для творца песни — это когда народ настолько признает ее своей, что и автора забывает. Наверно, так и есть. Но автору каково? Разве и ему забыть, что это он ее создал? Нет, не забудет...

С тех пор прошло много лет. Очень много. Вот и у меня начала печень побаливать. А мечта написать песню, которую подхватил бы весь народ, все-таки нет, не прошла. Хотя теперь-то я уж точно знаю, что никогда ее не напишу. А если бы даже и написал, то все равно оказался бы в ней третьим лишним. Ну и что? Песня-то осталась бы!..

РАССКАЗ

МОНУМЕНТ ГЛОВОТЯПСТВУ

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

Дома меня уже давно уговаривают оставить сатиру и посвятить свою жизнь голубой, безоблачной, ажурно-прозрачной лирике.

Доводы домашних звучат обычно весьма недвусмысленно:

— Ну посмотри, как живут Бабочкины! Мир, спокойствие, никаких конфликтов! Все их любят, все зовут их в гости. А почему? Потому что лирик он, Бабочкин. А тебя кто любит? Может быть, скажешь, предгорсовета или судья? Да они при одном только твоим появлением морщатся, словно проглотили что-то невкусное. Кроме того, ты уже поссорился с районо, драмтеатром, гордорстроем, горфо и даже с коммухозом, до которого тебе в общепом не было никакого дела. Кто к тебе более-менее прилично относится? Кого мы можем позвать, например, к себе в гости? Ну, адвоката Ипсилантьева, Шустикова из треста озеленения, Адресовича из филармонии, Воробейкина с телефонной сети. Не густо! И все твои фельетончики! Пора тебе наконец стать взрослым человеком и переключиться на лирику! Так делают все. Пошутил в молодости — и хватит.

Если эти доводы послушать раз, они особого впечатления не произведут. Но если они вонзаются в твои барабанные перепонки каждый день, дрогнешь, заколеблешься. Действительно, зачем? Действительно, почему и до каких, собственно, пор?

И я решил: буду лириком, стану «серьезным», психологичным, ультрамариново-нежным, бархатно-мягким и добрым. У меня в конце концов в груди тоже сердце, а не пламенный мотор.

Для начала я задумал создать картинно-впечатляющий очерк о любителях природы в нашем городе — о тех скромных, хлопотливых людях, которые встают на час раньше других, чтобы полить на улице деревья, бросить голубям несколько горстей пшена или поухаживать за аквариумными рыбками.

Я заметил одного страстного любителя природы — пожилого человека в чесучовом костюме и широкополой соломенной шляпе.

На подоконниках его одноэтажного, но просторного дома в дородных, пузатых бочонках росли и крепились настоящие павловские лимоны. А над ними висели клетки с чижами, зеленушками, завирушками и прочей вечно галдящей и свистящей пернатостью. Когда человек в широкополой шляпе выходил на улицу, около него оживленно суеились нахальные голуби и порхали настырные воробьи.

Это был далеко не юный, но фанатичный натуралист, о которых взахлеб пишут авторы репортажей на четвертых полосах газет. И крупные карамзинские слезы умиления текут по их гладковыбритым розовым щекам. «В этом доме, в этом доме я почувствовал себя, как в Сухуми. На меня повеяло теплым, ласковым дыханием замечательных советских субтропиков. Здесь пели неведомые мне птицы и наливались терпким лимонным соком пахучие, ароматные цитрусы...»

Вот так и я хотел написать — восторженно, проникновенно и чуточку бестолково. И для этого постучался однажды в дверь дома, на калитке которого висела табличка: «М. К. Вторников».

Борис ЕГОРОВ

РАССКАЗ

ПАВЛОВСКИЕ ЛИМОНЫ, ЗЕЛЕНУШКИ И ЗАВИРУШКИ

Разумеется, редакционного удостоверения, где в графе «должность» стоит колючее слово «фельетонист», я хозяину дома не предъявил: это могло несколько сбить его с толку и значительно понизить температуру наших отношений. Я показал членскую книжечку Союза журналистов и прямо, без ненужных предисловий сказал о благородной, возвышенной цели моего прихода.

Тем не менее моему визиту цитрусовод и птичник был почему-то не рад. Он нехотя провел меня в комнату, обставленную дорогой импортной мебелью, и, не предложив даже присесть, спросил:

— Так чем могу быть?..

— Я насчет лимонов...

— Пожалуйста, вот лимоны, — сухо ответил хозяин.

— ...и по поводу птиц.

— Пожалуйста, вот птицы... — еще суше произнес он.

— Это вы, так сказать, в свободное время?..

— Совершенно точно, в свободное, — уже абсолютно засушливым голосом сказал он.

— А работаете вы, товарищ Вторников...?

— Директором комбината бытового обслуживания, как вам известно...

— Мне это не известно.

— Ха-ха! Рассказывайте!

Я огляделся по сторонам, соображая, как вести беседу дальше. Но хозяину дома показалось, видимо, что я просто присматриваюсь к его шкафам и сервантам.

— Эта мебель куплена еще до того, как я стал директором комбината, — сказал он, желая, наверно, предостеречь меня от поспешных выводов.

Я почувствовал, что беседу продолжать невозможно. Хозяин думает, что разговоры о птичках божьих я веду только для отвода глаз...

Да, он так и думал. И в этом я убедился, как только вернулся в редакцию.

Мне позвонил встревоженный адвокат Ипсилантьев.

— Слушай, что ты там хочешь делать с этим самым Вторниковым?

Я стал говорить про птиц и про павловские лимоны — Ипсилантьев перебил меня:

— Я понимаю, может, это не телефонный разговор, но если ты имеешь в виду недостачу, которая у него была в прошлом году, так выговор за это он уже получил. Тут все нормально. Ты мне поверь. Я неосторожно высказал предположение, что если бы меня интересовала недостача, то я самостоятельно разобрался бы в ней. И тем самым навлек на себя обиду.

— Ах, ты хочешь сказать, что не веришь мне?! Потом позвонил Шустиков из треста озеленения. Эдва поздоровавшись со мной, он спросил:

— Что ты там затеваешь против Вторникова? Не стоит. Хороший мужик. Ну что ж, пустил часть новой мебели налево, так тут больше грешен его заместитель...

Мне снова пришлось лепетать про благоухающие цитрусы и про любовь к живой природе, но мой знакомый не слушал.

— Ты, дорогой, басни мне не рассказывай. Я тоже не лыком шит. Но хочу тебя серьезно просить: ты не торопись. Я ведь Вторникова давно знаю. Хозяйственный крепкий. Но что без изъяна? Порой каждого из нас надо поправить...

Вскоре раздался звонок от Адресовича из филармонии. Концертмейстер уверял, что Вторников — симпатичнейший парень и что история с приписками на его комбинате явно раздута...

— Поймай, а какое отношение ты имеешь к Вторникову? — спросил я.

— Да, собственно, никакого. Тут просил один солидный человек, которому он устроил мебель... И учти, если влезешь в это дело, неприятностей тебе будет масса.

Далее не замедлил откликнуться Воробейкин с телефонной сети.

— Давненько не говорил с тобой, — начал он издаля.

— Давненько, — быстро согласился я. И сразу же поставил вопрос в упор: — По поводу Вторникова звонишь?

Воробейкин был искренне удивлен.

— А как ты догадался?

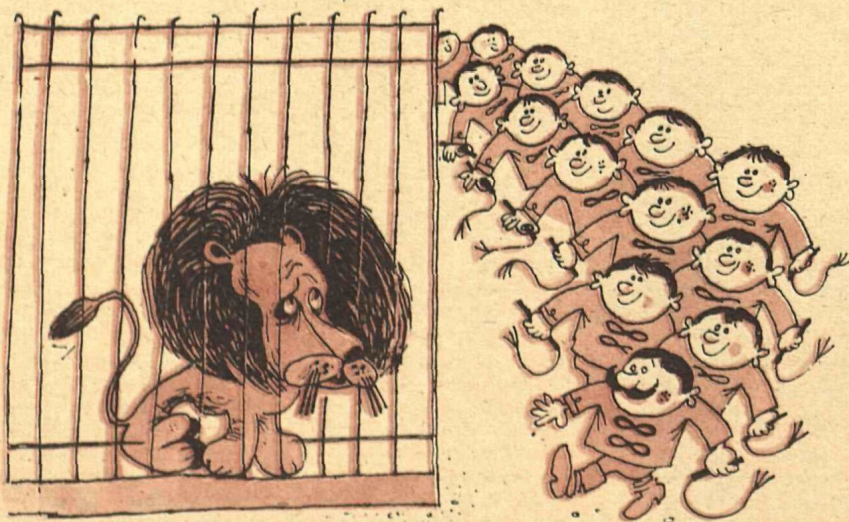
— Очень просто, — ответил я. — Ты хочешь сказать, что он хороший малый?

— Ага!

— Может быть, ты еще желаешь сообщить, что за недостачу его уже наказали, что мебель налево пустил не он, а его зам, что история с приписками явно раздута, что...

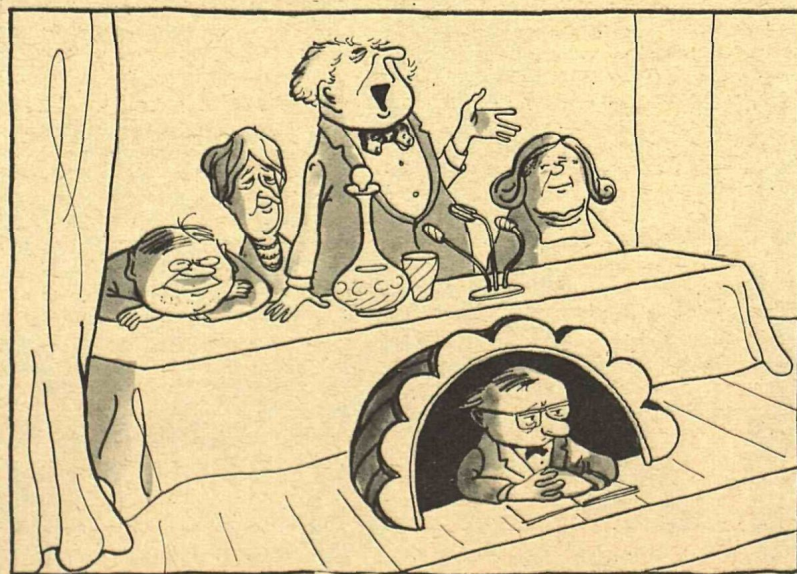
— Да ты, я вижу, глубоко изучил дело, — заключил Воробейкин. — Но я бы тебя все же просил...

Пятый звонок был из дому... Что мне оставалось сказать моим дорогим домашним? Идиллической жизни, подобной той, что у Бабочкина, у нас не будет. Ипсилантьева, Шустикова, Адресовича и Воробейкина в гости пригласить не удастся. Безмятежного лирика, голубоглазого созерцателя из меня не вышло. И черт с ними, с лимонами, со всякими чижами, зеленушками и завирушками! Я буду писать фельетон про Вторникова. Конечно, торопиться не стану. Возможно, мне еще кто-нибудь позвонит в его защиту...

— Опять эти практиканты идут!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Суфлер-юбиляр.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

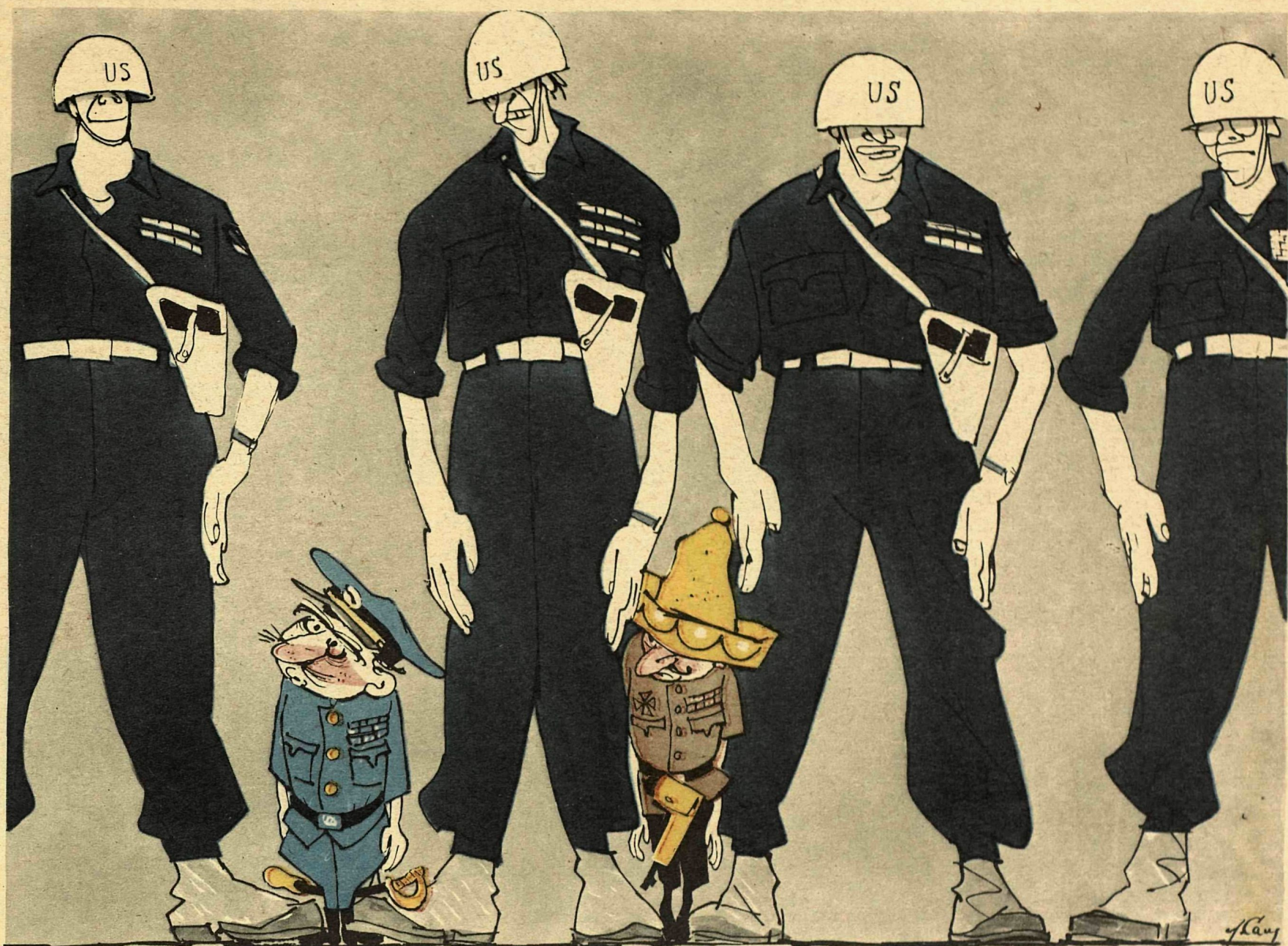

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

БЕНЗИНОМ НА ПОЖАР

Два неожиданных вопроса.

Где и в чем Соединенные Штаты преуспели больше всего? Какие новые приятные сюрпризы ожидают американцев в ближайшем будущем?

Два еще более неожиданных ответа.

Лучше всего дела идут во Вьетнаме. Почему? Потому что там теперь сотни американских самолетов и сотни тысяч солдат. Еще каких-нибудь два-три года войны, причем войны жестокой и кровопролитной, — и новая победа прославит звездно-полосатый флаг.

Но воинствующий оптимизм не должен усыплять бдительность американцев. День и ночь им надо помнить о том, что их стране постоянно угрожает одна смертельная опасность. Какая? Мир во Вьетнаме. Это будет катастрофой для Соединенных Штатов. Тем страшнее видеть все нарастающие в США выступления за прекращение войны во Вьетнаме. С этими выступлениями надо решительно покончить.

Впрочем, есть явления более опасные, чем безответственные антивоенные демонстрации. Это выступления некоторых влиятельных американцев, известных в США и других странах. Вы только посмотрите, до какой низости докатил-

ся сенатор Фулбрайт! Он предлагает переговоры, которые могут в конечном счете привести к миру во Вьетнаме. Он считает, что обе стороны должны пойти на взаимные уступки. Какая наглость!

А посмотрите, что вытворяет этот писака Уолтер Липпман! Он, как попугай, вторит Фулбрайту и тоже толкует о каких-то компромиссах и переговорах. Само собой разумеется, что небезызвестный Мартин Лютер Кинг тоже хлопочет о мирном урегулировании во Вьетнаме. Впрочем, с него взятки гладки: безответственное лицо — общественный деятель. Но вот Фулбрайт — сенатор! А Липпман зарплату в редакции получает!

Каждому настоящему американскому патриоту ясно, как дважды два — четыре, что война — самое лучшее времяпрепровождение. Почему бы это? Да хотя бы потому, что Америка всегда выигрывала все свои войны и проигрывала мирные конференции. По этой причине лучше воевать во Вьетнаме до бесконечности, чем садиться за стол переговоров.

Что это? Новая игра американских «бешеных» в вопросы и ответы? Их очередной бредовый манифест? Нет! Хотя выше нами действительно дано

краткое изложение подлинного выступления. Эта апология войны опубликована в американском журнале «Ридерс дайджест» (тираж — 26 миллионов, издается на 14 языках). Его издатели едва ли смогут обнаружить в нашем кратком изложении пространной статьи хотя бы одну неточность. Ее столь поджигательский даже для американской печати тон объясняется просто: автор статьи — Ричард Никсон.

Возможно, эта личность, уже сошедшая с американского политического небосклона, немного подзабыта нашим читателем. Напомним в двух словах.

Да, это тот самый Никсон, который в свое время был вице-президентом США. Потом возмечтал стать президентом. Не вышло. Провалился на выборах. Урок не пошел впрок. Неумное тщеславие заставило Никсона выставить свою кандидатуру еще раз — на выборах губернатора штата Калифорния. И снова провалился незадачливый кандидат.

Но битому неймется. Недавно прошел слух о том, что Никсон, возможно, будет выдвинут в кандидаты на президентский пост от республиканской партии, когда подойдут выборы 1968 года. Слух этот прошел сразу после очередного визита Никсона во Вьетнам, куда он ездил по принципу: с бензином на пожар. Приведенные выше высказывания Никсона — своего рода творческий отчет об этой поездке. С другой стороны, это демонстрация абсолютной верности и преданности тем, кто, быть может, соблаговолит двинуть его в президенты.

В. НИКОЛАЕВ

ЗАГАДКА ПРИРОДЫ

Весна!..
Как сказал поэт, «Бабахнула весенняя пушка!».

Со звоном разбились сосульки, лопнули почки на деревьях, вспорхнули и запели птицы, забегали в травке букашки-таракашки.

С людьми тоже метаморфозы. Пенсионеры дружно оккупировали пионерский парк, с удовольствием подставив ноздри весеннему ветерку. Девушки облачились в яркие платья. Дамы наводнили парикмахерские салоны.

Все пришло в движение, запело, заулыбалось, заиграло. — Нашли чему радоваться! — мрачно сказал мой сосед по скамейке, молодой человек.

— Вам не нравится весна? — удивился я.

— Ненавижу! — проскрижтал молодой человек.

— Простите, но солнце, воздух, весенний первый гром!

— Вот именно!..

— А чудесный аромат цветов! Вы никогда не дарили цветов девушкам?

— А-а!..

— Хорошо. А прогулки, туристские походы в горы?

— Ну-у...

— А футбол?..

Самый пробивной аргумент! Но и он не возымел действия. Я терялся в догадках. Кто он? Мизантроп? Физик? Заядлый лыжник?..

Искоса смотрю на него. Может быть, беднягу придавили житейские невзгоды? Неприятности в институте? Разлюбил девушку? Лишили стипендии? А возможно, он поэт-неудачник? — Послушайте, — говорю, — весна — лучшая пора! Все цветет, улыбается, радуется! Все кажется ясным и предельно прозрачным.

— Весна — это загадка! — таинственно изрек мой собеседник.

— Загадка? Ну, знаете ли! Каждому школьнику известно, что такое весна! «Тает снежок, оживает лужок, день прибывает...»

— Это школьнику известно, — сказал он. — А я синоптик. Понимаете: предсказатель погоды! И мне не известно, что такое весна! Загадка природы!.. Летом дело ясное: жара. Осенью — дождь. Зимой — снег. А весной? И снег, и дождь, и ветер, и черт знает что! Никакого хоть приблизительного прогноза! Каждую весну я получаю по два-три выговора!.. А вы говорите, весна!..

Он встал и, не прощаясь, удалился грустной осенней походкой.

На душе у меня стало зябко, неуютно. По коже потянуло холодом. Потом вдруг стало жарко, захотелось расхохотаться над этим сучным горе-синоптиком.

«Пессимист! Градусник несчастный! — внутренне издевался я над ним. — Весь мир приветствует дар природы — весну, солнце, цветы, команду «Торпедо», а он, этот несчастный круглосуточный ну-дило, этот...»

Мысль закончить не удалось. Внезапно солнце затянуло тучами, сверкнула молния, ударил гром, и с неба хлынули потоки воды. В несколько секунд мой новый летний костюм промок до нитки.

— Безобразие! — чертыхался я на бегу, шлепая по лужам. — И какой творец-мудрец придумал эту весну! Никакого постоянства!..

И, уже стоя под навесом и выжимая рубаху, я с благодарностью вспоминал недавнюю встречу с молодым синоптиком. Какой талант! Какой проницательный ум! Какой аналитический, критический!..

Но и тут не удалось закончить мысль.

Тучи рассеялись, выглянуло солнышко, запели птички, в воздухе запахло озоном и цветочным ароматом.

Забыв о существовании в мире синоптиков, я шел, широко улыбаясь навстречу теплему дню.

Весенний

— Это же для нас, скворцов!
— А у меня записка от орла!

— Обрезать ветки — вот какое было вам дано задание. А вы?
— А я его перевыполнил!

Мелочи

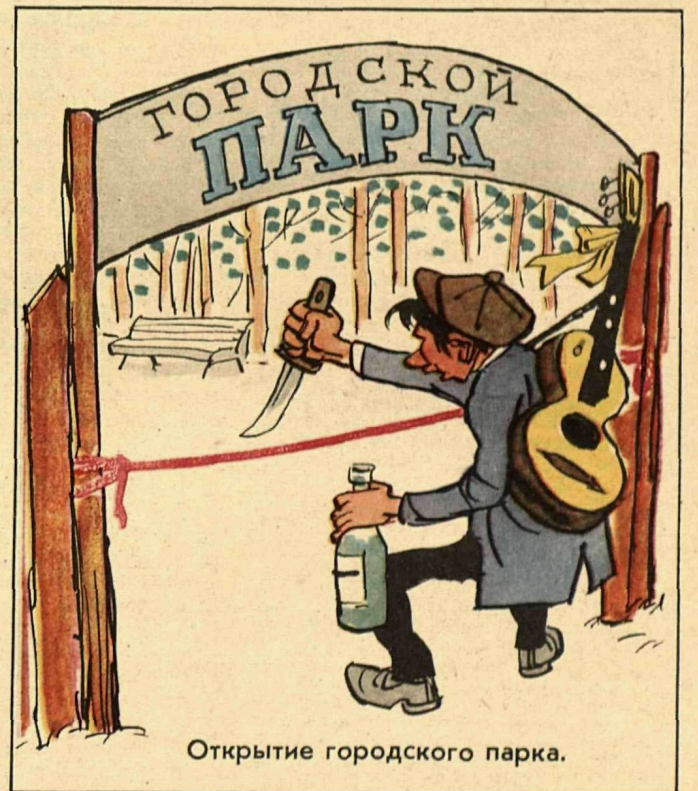

МОДЫ СЕЗОНА

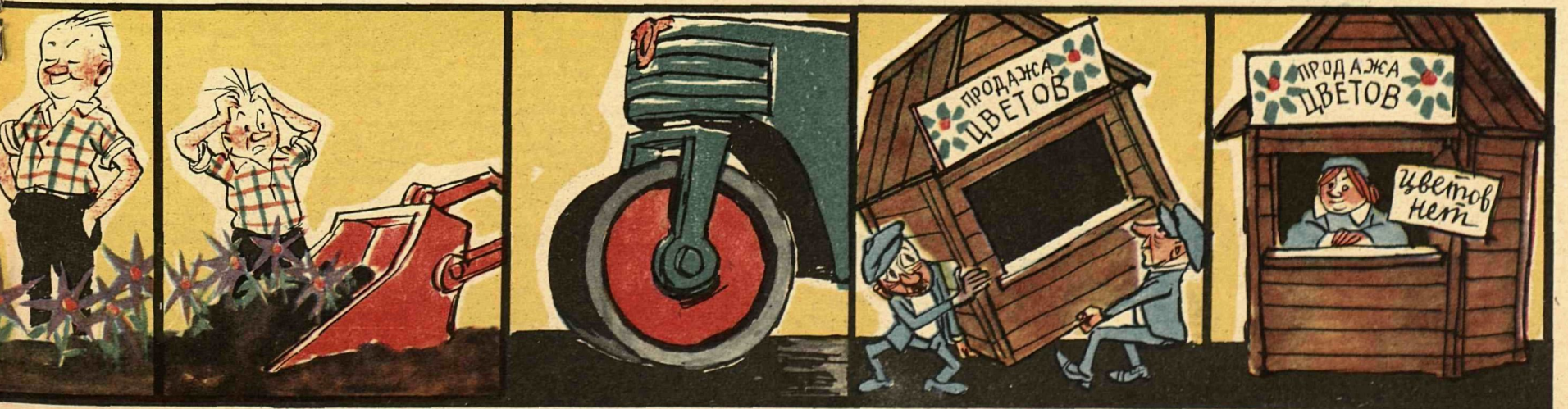
Юбки становятся короче, сапожки — выше.

За любимого начальника.

Открытие городского парка.

Без слов... и без цветов.

НА ГЕРОЙСКОЙ ТРОПЕ

Героям войны не приходится сетовать на недостаток заботы и внимания. Их у нас любят и уважают, они всегда на виду.

В этом смысле Иван Иванович Тельков не является исключением. Он пользуется всеми льготами фронтовика и ветерана. «Я был любимым учеником известного академика медицины», — с гордостью сообщает он в автобиографии. Иван Иванович пишет, что он военный врач, активный участник боев на разных направлениях. Имел контузии и ранения. Является кавалером орденов, медаленосцем.

И ему верят. Вот почему Иван Иванович получает хорошую пенсию. Мособлсбес бесплатно предоставил Телькову, как инвалиду войны, потерявшему ногу в боях за Родину, легковой автомобиль.

Едва любимый ученик академика на подаренном «Запорожце» переехал из области в город, как его назначили председателем ВТЭК Краснопресненского района.

В отделе кадров Мосгорсбеса считали, что Тельков прибыл к ним из дома-интерната старых коммунистов, где находился с пятидесяти четвертого года по апрель шестьдесят пятого на полном государственном обеспечении. Над тем, мог ли этот еще молодой человек оказаться в числе ветеранов, никто как-то и не подумал.

О факте пребывания Телькова в интернате старых коммунистов мы узнаем также из письма заместителя заведующего Мосгорсбеса А. А. Тестина председателю исполкома Фрунзенского райсовета депутатов трудящихся. А. А. Тестин высоко отзывается о деловых качествах своего подчиненного и убедительно просит предоставить ему комнату.

Честно говоря, никаких прав на московскую жилплощадь Иван Иванович не имел. Он был прописан в столице еще до войны, да и то временно. К тому же успел, оказывается, только что получить комнату в Подмоскovie. С другим бы и говорить не стали, но для фронтовика исполком, понятно,

счел возможным сделать исключение.

Комнату ветеран получил большую и в самом центре Москвы, на Малой Бронной. Что ж, Иван Иванович не остался в претензии. Он доволен и своей работой, и автомобилем с ручным управлением, и комнатой, и всем остальным.

Вместе с Иваном Ивановичем радуются многие товарищи, которые хорошо позаботились о ветеране.

Когда я читал пенсионное дело И. И. Телькова, у меня тоже сложилось о нем неплохое впечатление. Но потом я заехал к следователю по особо важным делам МОП РСФСР Владимиру Павловичу Виноградову, и он показал мне еще восемь дел Ивана Ивановича, на этот раз уже уголовных.

Оказалось, что Тельков совсем не тот, за кого его принимают. Выяснилось, что он значительно преувеличивает роль своей личности в истории Великой Отечественной войны. Иначе говоря, он просто жулик и плут. Чтобы на этот счет не оставалось никаких сомнений, надо остановиться на основных вехах биографии И. И. Телькова.

Итак, далеким летним днем тридцать девятого года юный лоботряс, имея уже несколько судимостей за кражи, удрал из колонии и появился в Москве. Он направился в приемную комиссию 2-го медицинского института. Здесь он предъявил справку о том, что якобы обучался в Ленинграде и после третьего курса отозван на комсомольскую работу. Липовый документ об образовании был заверен, как ни удивительно, печатью экскурсионного бюро Сельскохозяйственной выставки. Тем не менее пойдя зачислиться на четвертый курс.

Учиться Тельков, конечно, не думал и на лекции не ходил. Но вот на третьем месяце пребывания в институте он заглянул в факультетскую клинику. Здесь-то и состоялось знакомство студента с маститым академиком, о котором он упоминает в автобиографии.

Правда, Тельков познакомился сначала не с самим академиком, а с его

шубой. Шуба эта, как видно из старого милицейского протокола, имела черный каракулевый воротник и подкладку из беличьего меха. Пока академик вел занятия со студентами, расторопный Иван Иванович уже успел сдать беличью шубу в скупочный магазин на Трубной площади.

После этой кражи Тельков просидел недолго. Без всякого согласования с начальством он покинул не столь отдаленные места и снова выплыл в Москве в мае сорок первого года.

А еще через два месяца Тельков в суматохе начавшейся войны ухитрился получить диплом об окончании 3-го медицинского института. И в качестве врача 363-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона отправился на фронт. Но вскоре сбежал из части и очутился в Горьковской области.

Примерно через месяц Тельков чуть было все-таки не попал на позиции. На этот раз в должности начальника санслужбы 196-й танковой бригады. Но, как вспоминают ветераны бригады, «доктор» исчез из эшелона, так и не доехав до театра военных действий.

Какие-то окольные дороги опять привели Телькова в Горьковскую область. Здесь он благополучно женился и некоторое время наслаждался медовым месяцем. Видом на жительство ему служила собственноручно написанная справка, в которой он освобождал себя от воинской службы и сам себе ставил диагноз: «Крупозное воспаление легких, насморк и дизентерия. Рекомендуются покой, ванны, компресс».

Спокойное течение семейной жизни вскоре, однако, было нарушено. Прокурор потребовал для Телькова смертной казни. Но суд проявил к молодожене снисхождение, определив меру наказания в десять лет.

До самого конца войны Тельков был в заключении, а потом опять ударился в бег. Затем лечился в госпитале... Выписался, имея на руках справку о болезни. Справка гласила, что большой страдает хроническим алкоголизмом.

Иван Иванович трезво рассудил, что с такой справкой многого не добьешься. Тогда он взял в руки перо, и к справке прибавилась строка о том, что заболевание связано с контузией на фронте. «Липу» не заметили, и Тельков стал получать пенсию.

Затем мы наблюдаем Телькова в должности врача санчасти артиллерийского полка. О пребывании И. И. Телькова в полку рассказывает ряд представлений и рапортов. Из них видно, что «доктор»: «выкрал из буфета военторга две бутылки вина»; «получил 4 441 рубль на медикаменты, деньги пропил, а в кассу представил фиктивные счета»; «похитил скатерть из ресторана»; «выпил весь спирт из аптечек «Скорой помощи» и даже из банок со шприцами»; «в пьяном виде пытался делать артиллеристам прививки оспы».

Распроцавшись с терпеливыми артиллеристами, наш герой прибыл в город Николаев, где и попался на краже. Еще одну кражу он совершил в Московско-Рижском универсаме — и попался опять.

Комиссия специалистов решила наконец проверить, какими же медицинскими познаниями располагает этот «врач». Его спросили, что такое

диафрагма, а также велели выписать рецепты на капли Зеленина и на геморроидальные свечи. Выяснилось, что с диафрагмой он не знаком, а рецепты выписать не может, так как с латынью явно не в ладах.

Тем не менее, освободившись, он определяется врачом в подмосковный санаторий. Отсюда он апеллирует к Звенигородскому райвоенкомату о восстановлении полной пенсии. Военкомат решительно и бесповоротно становится на сторону липового фронтовика. Один за другим направляются рапорты в облвоенкомат: «...учитывая... его безупречную службу в армии и то, что Тельков И. И. является инвалидом 2-й группы (без ноги), ходатайствуем по существу его заявления о выплате полной военной пенсии...»

Восстановленный в незаконных пенсионных правах, Тельков действительно устроился в дом-интернат заслуженных пенсионеров. Но не в качестве отдыхающего, а врачом-диетологом. В течение нескольких месяцев он снимал пробы с приготовляемых блюд и давал поварам гастрономические советы. Затем, как мы уже знаем, состоялся его торжественный въезд в Москву на «Запорожце» и заселение комнаты на Малой Бронной...

О похождениях проходимца можно было бы и не говорить так много, если б только один Тельков браконьерствовал на тропе героев. Чем дальше уходит от нас война, тем чаще объявляются разные авантюристы, которые выдают себя за партизан, инвалидов и защитников крепостей. Одни добиваются непопулярных пенсий, другие требуют незаслуженных почестей. Они пишут о себе все, что вздумается, и, представьте, некоторым из них верят!

— Чего уж тут проверять! Все воевали!..

А воевали между тем не все. Некоторые, как, например, Тельков, в годы войны занимались совсем другими делами. И установить это совсем не трудно. По военным архивам Тельков числится дезертиром, а он как ни в чем не бывало вот уже два десятилетия получает пенсию. Он потерял ногу спустя семнадцать лет после окончания войны, а считается, что пролил кровь на фронте. В течение часа можно узнать по картотекам, что Тельков семь раз судился и семь раз бежал из заключения. А он выглядит героем войны и кавалером. Разве мало в Московской области живет инвалидов Отечественной войны — а автомобиль дарят Телькову! Разве уже все участники войны во Фрунзенском районе обеспечены хорошим жильем — а комнату в центре города дают почему-то Телькову!

Настоящие ветераны войны — люди, конечно, скромные. Своими подвигами они не хвастаются. Иного героя приходится разыскивать годами, привлекая на помощь телезрителей и радиослушателей, комсомольцев и пионеров, а он спокойно живет рядом.

А тельковых и искать нечего: они сами толкуются у дверей кабинетов, у касс. Только их нужно не поощрять, а строжайше наказывать. Потому что нет более гнусного кощунства, чем браконьерство на святой тропе героев!

— А, Петров уже вернулся из отпуска!

Рисунок А. ГРУННА

И. ШАТУНОВСКИЙ

Борис КОТЛЯРОВ

«РОДНИК»

Где свой обогатить язык,
Запасы слов, оттенки речи?..

О, мной уже давно замечен
Бюрократический родник.

Живой — с ногами и руками
И с говорящей головой.
Да, впрочем, что ж?..

Судите сами —
Вот просит слова он. Живой.
Он может все переименовать —

Оттенки, фразы и слова.
Как скажет: «разрешите
начать»,

Потом: «людям нужны
средства».
Еще добавит: «современный»
И «надо указать о том»...

Летят все правила, законы,
Разрушенные «родником».

Кругом глаза людей
смущенных.
— А нет ли, — я кричу и сам, —
«Средств» каких-то
«современных»,
Чтоб «указать о том людям»?!
г. Харьков.

Александр СОБОЛЕВ

Зав- скорострел

Ведет прием в кабинете своем
Важный чем-то заведующий.
Предельно краток к нему визит,
Он поминутно баском хрипит:
— Следующий!
Следующий!
Я поражен,
я изумлен
Четкой работой такой,
Но отчего же, никак не пойму,
Каждый, кто шел на прием
к «самому»,
Машет досадно рукой?
В чем тут секрет?
Вхожу в кабинет,
Стараясь быть незамеченным.
Еле дыша, становлюсь в уголок.
Вот и услышал я диалог
Зава с почтенной женщиной.
Твердит она:

— Помощь нужна!
Он: Я не празднобеседующий!
Время мое нельзя отнимать.
Можете дальше и выше писать...
Следующий!
Парень сказал:
— За что пострадал?!
Зав: Я по кадрам не сведущий.
Что ты меня отрываешь
от дел?
Лучше б с начальством ладить
умел...

Следующий!
— Рушится дом:
подточен прибком...
— Я не профессор
исследующий.
С этим вопросом, — советует
Зав, —
Вы обратитесь-ка лучше
в горздрав...

Следующий!
...Ходит народ
взад и вперед,
Ходит напрасным маршрутом.
Длинную очередь враз
«провернет»
Этакий Зав — скорострел-
пулемет:
Три человека в минуту...

Чинуша спесив.
Он глядит мимо нас...
Не мешкая, вывесить надо
приказ:
«С ТРЕСКОМ УВОЛЕН
ЗАВЕДУЮЩИЙ», —
чтоб призадумался
СЛЕДУЮЩИЙ.

— Иван Иванович построил эту дачу, когда работал на мебельной фабрике...
Рисунок Б. САВКОВА

Женщине, в отличие от
писателя, разрешено зани-
маться лакировкой дей-
ствительности.

Подснежники стоили так
дорого, словно их достали
не из-под снега, а из-под
земли.

В. КАНАЕВ

МИМОХОДОМ

Невеста была из трудо-
вой семьи: кроме нее, все
трудились.

А. ЧИКАРЬКОВ

Бондарь так расхвали-
вал свою продукцию: «За
воду не ручаюсь, а огур-
цы не уйдут».

Собака не узнала хозяи-
на: он пришел трезвый.

Справляясь о ходе ре-
монта старых башмаков,
заказчик износил новые.

А. ШАТАЛИН

Высоковато поставлен-
ное лицо.

Дремотический театр.

П. МАКОВЕЦКИЙ

Хотелось крикнуть

« У Р А ! »

Со стороны поглядеть — привередливый народ эти фельетонисты. Не знаешь, как им угодить. Не строят баню — плохо. Строят баню — вроде бы хорошо. Но опять же появляется фельетон...

Три года назад в селе Подобном, на Черкасщине, приступили к постройке бани. Событие не ахти какое великое, но все же, согласитесь, знаменательное. Хотя это тебе и не пуск ГЭС, но отметить надо. И как будто меньше всего в данном случае уместен фельетон.

Но история бани в селе Подобном не позволила фельетонисту сменить громокипящую сатирическую лиру на громоподобные ликующие литавры.

Конечно, повторяю, баня — это не гидроэлектростанция, но и проект будущей бани полагается где нужно и с кем нужно согласовать. А председатель колхоза Гиндич ни с чем не посчитался и баню начал строить совсем рядом, почти вплоты с хатой Оланаса Боднюка. А у того хата крыта соломой. Достаточно искорки — и...

Боднюк пошел с жалобой к председателю. Тот и разговаривать не стал. Тогда Боднюк пожаловался в район. Санитарный инспектор и пожарный инспектор в один голос заявили:

— Налицо грубое нарушение, а посему строительство бани приостановить!

Председатель же колхоза Гиндич продолжал строить.

Оланас Боднюк написал в область.

Секретарь областного исполкома и санитарный инспектор области в один голос заявили:

— Колхозу предложено вместо начатой бани построить сапожную и швейную мастерские. Колхоз с этим предложением согласен. Живите, Оланас Платонович, спокойно, как жили до сих пор...

18 марта 1964 года сам председатель колхоза Гиндич счел нужным на депутатском бланке заверить своего избирателя Оланаса Боднюка в совершенном почтении и успокоить его, что в помещении, где должна была быть баня, разместится комбинат бытового обслуживания.

Тут фельетонисту было бы уместно крикнуть:

— Справедливость восторжествовала! Интересы гражданина не задеты. Ура!

Но такое восклицание было бы преждевременным. При помощи визуальных наблюдений Оланас Боднюк установил, что председатель колхоза исподволь все-таки продолжает строить баню.

Оланас Боднюк написал в Киев. И снова пришел в движение писчебумажный конвейер.

Райком партии по предложению из Киева специально занимался жалобой Боднюка и ответил:

— Начатое строительство надо закончить с последующим размещением там комбината бытового обслуживания. Баню построить в другом месте.

Главный санитарный врач области ответил примерно то же самое.

Прокурор и заместитель председателя райисполкома были единодушны. Их ответы ничем не отличались от ответов райкома партии и главного санитарного врача области.

Когда фельетонист читал эти вдохновенные документы, ему хотелось опять во весь голос крикнуть: «Уррра!» Но, увы, опять пришлось крикнуть нечто другое...

Пока республиканские, областные и районные организации вели между собой активную переписку, председатель колхоза Гиндич преспокойно достроил баню и, как эпически сообщает районный санитарный врач, заканчивает установку внутреннего банного оборудования. Оланас Боднюк написал в Москву...

И тут фельетонист не выдержал:

— Почему таким несложным делом должны заниматься Черкасы, Киев и Москва? Неужели на месте, в районе, не могли своевременно и правильно его решить?

А так хотелось воскликнуть «Ура!».

Не получилось...

Е. МИРОНОВ

ПРИЯТНЫЕ НОВОСТИ

За последнее время мне приходится получать от читателей немало писем, в которых они жалуются на то, что «Крокодил» доставляется с некоторым опозданием. В самом деле, нынешний, сильно возросший против прежних лет, тираж моего журнала типографии нелегко быстро напечатать, а работникам связи быстро распространить.

Однако я рад сообщить, что дело идет к лучшему. Начиная с № 4 часть тиража «Крокодила» печатается в Алма-Ате и Куйбышеве. Читатели многих областей — Алма-Атинской, Це-

линоградской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Павлодарской, Куйбышевской, Оренбургской, Ульяновской, Пензенской и Башкирской, Марийской, Татарской, Чувашской автономных республик — уже получают «Крокодил» раньше, чем прежде.

По мере увеличения мощностей местных типографий печатание моего журнала в других городах будет расширяться и, таким образом, число претензий читателей на позднюю доставку — сокращаться.

КРОКОДИЛ

Рисунок И. СЫЧЕВА

Товарищ директор

Директор директору — рознь. Директора делятся на две категории. В первой состоит немного народу, тысяч так двадцать. Здесь директора индустриальных гигантов, маршалы нефти, металлурги черные и цветные. Они носят белоснежные сорочки с импортным галстуком, курят «Герцеговину флор».

Во второй категории больше людей, может быть, полмиллиона. Тут помянем предприятия средние и маленькие: бани, пошивочные, химчистки, инкубаторную станцию «Свободный сокол», асфальтовые заводи, помянем неосвобожденных директоров парикмахерских (нечто вроде канадских играющих тренеров).

У директора завода-гиганта контакты с населением какие? Население приходит сюда на семь часов — работать. Что касается остальных семнадцати — население требует, чтобы в эти часы кто-то работал для него. И круглоглазично работают тысячи мелких предприятий. Они благоустривают, обогревают, кормят, обстирывают и обшивают все население.

Скромный объект возглавляет скромный директор. Он не курит «Герцеговину флор». Он носит цыганскую жилетку и смолит папиросы «Прибой». Вызванный начальством на разнос, он не знает, куда девать руки, варежки кладет в шапку и держит ее на коленях. Плохо проходит его время у начальства. Ибо о нем, о директоре маленьком, вспоминают только тогда, когда есть потребность кого-нибудь разнести, ну, что ли, огреть отцовской лаской.

Если крупный промышленный директор задыхается от внимания, нисходящего к нему «сверху», то середняк задыхается от невнимания к себе.

Но встают они оба в семь. Один из них мчится конвертировать сталь, а другой — пылесосить матрацы. Как сложится их день? Прежде всего директор гиганта будет изъят из цехов. Его посадят в президиум для встречи с кандидатом. Через час он сбегит, но ему поручат иностранцев: «Господа очень интересовались видеть этот предприятие».

И директор пойдет показывать завод, этот «колоссаль», заезжим господам, и багровое пламя будет освещать их растерянные нордические профили. Директор старается водить мистеров по заводу возможно дольше: как раз успеешь отдать все распоряжения. Однако вскоре специальный нарочный увозит его в облесполком. Там, на очередном совещании, совершенно сломленный, он заканчивает свой день.

Тем временем директор скромного объекта тоже завершает свой день. Он провел его, толкаясь в двери приемных. И всем было не до него. Маленькую организацию как бы забыли. Все внимание отдали гигантам.

В последней надежде обойденные вниманием люди включали радио. Но из динамиков раздавался тяжкий гул волоочильных станков, и диктор, вставая, наверное, на носки от натуги, кричал, что сейчас в цехе алма-атинского «Тяжмаша» произойдет встреча за круглым столом и перед рабочими выступят журналисты-международники.

Так обидно складывалась жизнь! О «тяжелом» директоре заботились, хотя и изнурили совещаниями, его звали по имени-отчеству, а маленького, рядового капитана отпихивали, оставляли без внимания. Его не приглашали в президиумы. Сперва это очень коробило честолюбивых жен, но потом и они привыкли.

Однако директор маленького объекта не всегда мирится с наплевиством к нуждам своего объекта. Однажды он

вскакивает, швыряет на пол настольный календарь, кричит: «До каких же пор?» — и совершает намеренное упущение по службе. Он знает, что теперь его вызовут на разнос. Но это и хорошо. Заодно можно провентилировать два-три больших вопроса. Так думает директор.

Зря он так думает. Его в темпе разносят и выпроваживают.

И вот, скажем, Липецк. Типичный город с сотнями директоров. В чем-то тут получше с директорами, нежели в Харькове, в чем-то похуже, нежели в Одессе. То, что похуже, горьким осадком копилось в сердцах директоров.

— Ничего! — крепилась они. — Нет внимания? Ладно. Но вот будет городской актив, тогда я скажу! Я не буду молчать!

О том, что в районе, в городе, в области назревает актив, директора узнают немедленно: к ним повышается внимание. Это — особое внимание.

Сначала рабочие небольшого липецкого завода металлоизделий замечают на задворках мужчину с «ФЭДОм». Он сторонится людей и фотографирует. Затем другой неизвестный мужчина посещает городскую фотографию № 2. Судя по всему, он достаточно руководящий. Непосредственно с директором фотографии А. И. Сирицей товарищ в пальто почему-то не разговаривает. Он задает вопросы только своим сопровождающим:

— Почему это? А что тут? Притом тов. Сирица вынужден мыкаться в стороне.

А через две недели начинается городской актив, и всем уже ясно, зачем был неизвестный в фотографии № 2 и зачем был фотограф на заводе металлоизделий. Они были не в плане внимания. Просто добывали уличающие факты, чтобы зампредисполкома И. П. Пономарев имел чем сдобрить доклад.

Доклад был зачитан на активе. На таких активах обстоятельно и длинно, делая сравнения с 1913 годом, докладывают о текущем моменте и беспорядках на заводе металлоизделий (директор — тов. Минеев).

Тем временем тов. Минеев и его коллеги-директора спешат записаться в прения. И ничего у них не выходит. Потому что время съедено обстоятельным докладом. То, что директор нацелился сказать на активе, он выговаривает разве что дома, в кругу семьи.

— Я уважаю законы! — сетует зав. парикмахерским хозяйством А. Л. Вайнман. — Но почему меня толкают в лапы частного? В парикмахерской № 26 лопнула канализация. Я ходил в домоуправ-

ление — они меня отшили. Меня отшил Водоканалтрест. В горисполкоме меня отшил Даревич. Тогда я дал частнику 12 рублей, он сделал все в полчаса!

Александр Лазаревич, как всякий скромный директор, живет трудной, суровой жизнью. Производственные вопросы он выходит решать в коридор. В самой конторе (одна чумазая комната с дырявым потолком) вопрос не решить. Тут все время толпа и шум. Вопросы надо решать быстро: во-первых, коридор холодный, во-вторых, пора на совещание.

Честно говоря, многие директора не нужны на многих совещаниях, так как их мнение никого не интересует. Можно бы не тянуть их туда, где они все равно не сумеют высказаться. Но что это, посудите, за совещание — семь человек за столом? Несolidно! Надо еще позвать, для кворума.

И заведующий парикмахерским хозяйством мечется по административным «квормам» с одного берега реки Воронеж на другой.

С той же мыслью ворочается в кровати и не спит директор ПКЮ Голощапов, а поскольку заснуть он все равно не может, он считает на пальцах организации, взявшие моду ему приказывать. Товарищ Голощапов засыпает под утро с поджатыми пальцами рук и ног.

Другое дело — директор швейной фабрики Е. А. Силина. Она отходит ко сну не как все. Еще бы! На днях она впервые была в президиуме городского актива!

Но и директору швейной фабрики неспокойно. Она думает: «Не грабят ли там фабрику, пока я лежу тут, дома?» Ибо фабрику не принимают под охрану, покуда на ее территории живет одинокая пенсионерка. Десятью десять раз Силина стучалась в горисполком. Стучалась, куда только можно: дайте гражданке комнату! Помогите!

И ничего. Гражданка живет. А машина для чистки готовой продукции, которая должна стоять в комнате гражданки, бездействует в коридоре. И фаб-

рике приходится выписывать хлеб. Портнихи режут его на ломтики, подсушивают утюгами и хлебом чистят сшитые пальто, платья, костюмы.

Досадные и цепкие, маленькие и совершенно неразрешимые неурядицы душат директоров.

— Это настоящий цирк! — жаловался директор «Гастронома» П. П. Клюев. — Я работаю восемь лет. За такой срок даже стальные машины ломаются, станки, весы, рельсы изнашиваются! Но за восемь лет никто не списал ни одного деревянного ящика из-под бутылок. Гниют сотнями, а списанных нет. И выкручиваемся, кто как может. Нанимаем частников для ремонта ящиков. Считают, что тара — мелочь, а мелочью никому заниматься нежелательно.

Так обидно складывается жизнь. И лишь под утро, когда голуби начинают ворковать на карнизах, засыпают директора.

А пока они спят, тысячи директоров невеликих объектов, надо подумать о них. Отметить, какая громадная ноша лежит на плечах рядовых капитанов, сколько им предстоит совершить в нынешней пятилетке.

Им страшно много предстоит совершить. Впереди у «массового» директора тяжелая позиционная война за количество, качество, за культуру производства и обслуживания. Впереди трудная дорога. Сегодня, выйдя на эту дорогу, рядовой капитан тоненьким голосом просит руководящую избушку:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Она не поворачивается. То есть не совсем чтобы не поворачивалась, а не всегда. И, часто дыша, спешит от дверей к дверям человек. Если у вас нет уверенности, что это директор, подсмотрите, сколько у этого человека карманов. У директора всегда на один карман больше — для валидола. Это уже образ. Можно сказать, для кино.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент
Крокодила.

г. Липецк.

— Мастера нашел, но сегодня он сможет покрасить только пол.

Рисунок Ю. УЗЬЯКОВА

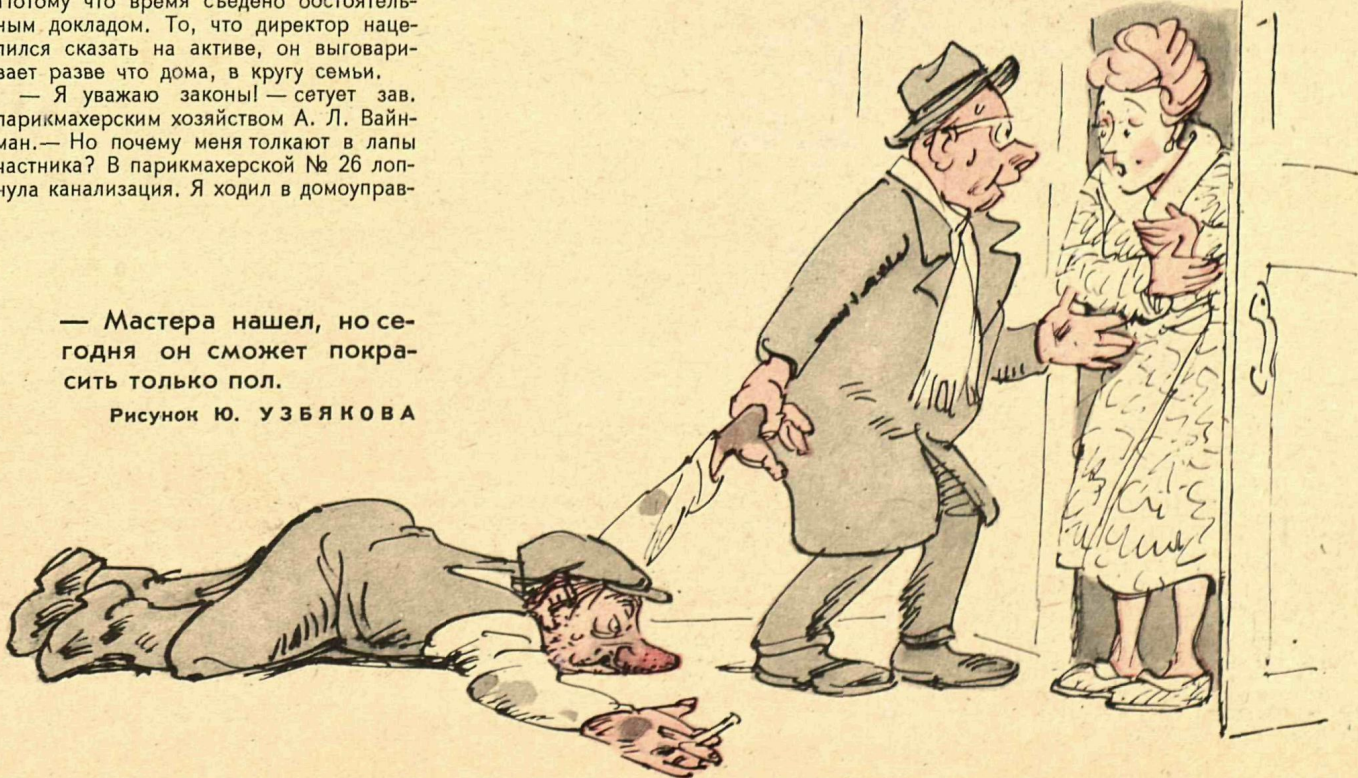

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

БЕЗОТКАЗНЫЕ ЗАЖИГАЛКИ!

Рисунок Е. ГУРОВА

Нарочно не придумаешь

«Вечером в саду отдыха Иванов К. и Дмитриев М. нарушали в нетрезвом состоянии тишину, в результате чего сгорели две скамейки, за что и были наказаны».

(Из стенгазеты.)

Копию сняла К. КАШКУРОВА.
г. Ленинград.

«Администрация, партбюро и местный комитет локомотивного депо Засулаукс Прибалтийской железной дороги приглашают Вас принять участие в собрании жен работников депо.

Повестка дня:

Итоги работы депо за 1965 год и роль жен в обеспечении движения поездов».

(Из пригласительного билета.)

Прислал И. ИВАНОВ.

г. Рига.

«Прошу выслать мне справку о том, что я работала у вас, если не работала, то почему».

(Из заявления.)

Выписал Н. МАРЯХИН.

г. Сызрань.

«Пострадавший ушел домой, перед ужином выпил 0,25 вина и в 11 часов вечера возвратился на ферму покурить со сторожем Нефедовым. Подошел к быку, который учуял запах вина, сорвал цепи и веревку, сшиб Киреева».

ИЗОЛИРОВАТЬ БЫКА В КЛЕТКУ СРОКОМ НА 5 СУТОК».

(Из акта.)

Прислали И. КОРЖЕВ и Д. ЦАНАВА.

г. Меленки,
Владимирской области.

«Уволить кассира Н. за вторжение в чужую жизнь без оформления брака».

(Из приказа.)

Копию снял И. КЛЕПАЧЕВ.

Ростовская область,

«Тов. Иванов пьет много, но с большим отвращением».

(Из характеристики.)

Выписал А. КРАСНОВ.

г. Свердловск.

«Слушали: заявление Макухи Анны Павловны о распиловке леса».

Постановили: заявление Макухи А. П. распилить».

(Из протокола.)

Переписал К. САВЧУК.

Житомирская область.

«Кассиры очень грубы, не то что в преканья, даже в разговоры не вступают».

(Из письма в редакцию газеты.)

Выписал В. ЕВДОКИМОВ.

Архангельская область.

«Шофер Синельщиков неправ, так как при выезде из гаража не взял устного распоряжения в письменной форме».

(Из протокола.)

Прислал А. ЖИРНОВ.

г. Москва.

БЕЗ КИСТОЧКИ

В третьем номере Крокодила было опубликовано письмо под заголовком «С кисточкой!», которое прислали в редакцию инженеры-конструкторы Рязанского станкостроительного завода. Они писали, что им время от времени приходится работать за маляров. «Четыре года подряд, особенно в конце месяца, техники и инженеры, сменив карандаш на наждачную шкурку и малярную кисть, дряют и красят станки».

Директор завода К. Тарасов сообщил нам, что да, так оно и есть. И резюмировал:

«В настоящее время на Рязанском станкостроительном заводе приняты меры к упорядочению технологического процесса покраски станков, исключаяющие подобные случаи».

Если это означает, что инженеры и техники больше не будут заниматься малярными работами, то нам остается только по приветствовать тов. Тарасова и пожелать ему дальнейших успехов.

«ПРОПАЛИ СТУДЕНТЫ...»

Три абитуриента: Э. Габдрахманов, Ц. Цыдендамбаев и Б. Дугар-Жабон — приехали сдавать экзамены в Московский университет. Сдача проходила необычно. Например, экзамены по английскому языку за Габдрахманова и Цыдендамбаева сдавал Дугар-Жабон; по истории за Габдрахманова — студент III курса И. Каримов. Как и следовало ожидать, кончилось это печально: Каримова отчислили из МГУ, а остальные, оставив документы, постыдно бежали.

О похождениях абитуриентов было рассказано в происшествии «Пропали студенты...» («Крокодил» № 28, 1965 г.).

За подлог при поступлении в университет Э. Габдрахманов исключен из членов Союза журналистов и уволен с работы из редакции уфимской райгазеты. Ц. Цыдендамбаев освобожден от работы в Комитете по радиовещанию и телевидению Бурятской АССР. Секретариатом Бурятского обкома КПСС предложено отделу школ серьезнее подходить к подбору абитуриентов, поступающих в вузы по внеконкурсному набору.

«О ЧЕМ КРИЧАЛИ ПЕТУХИ»

С 1961 года «Кончетавсовхозстрой» не может закончить строительство школы-интерната в совхозе «Раздольный». Этому была посвящена заметка «О чем кричали петухи» («Крокодил» № 31, 1965 г.).

Секретарь Кончетавского обкома КП Казахстана тов. А. Секира сообщает, что трестом № 17 были приняты меры по окончанию строительства. Школа-интернат введена в эксплуатацию.

«БЫЛА ЛИ ПЕСНЯ!»

Фельетон под таким названием («Крокодил» № 33, 1965 г.) был посвящен строителям СМУ-6 города Дербента, которые умудрились сдать в эксплуатацию дом без водопровода, канализации, отопления и освещения.

Как сообщает секретарь Дербентского ГК КПСС тов. М. Ибрагимов, все указанные в фельетоне недостатки ликвидированы. Вопрос о низком качестве строительных работ обсуждался бюро ГК КПСС. Руководство СМУ-6 строго предупреждено.

Происшествия

ВОР-САТИРИК

Однажды работник сторожевой охраны одного из предприятий Горьковской области Бурлаков обнаружил никем не охраняемые чужие носильные вещи.

И Бурлаков, как человек бдительный, немедленно взял эти вещи под наблюдение.

Чтобы они были целее и всегда на виду, Бурлаков даже надел вещи на себя. И сразу покинул свой пост.

Начал сбегавший Бурлаков колесить по городам и весям, но больше по весям, где приглянулись ему сельские магазины.

Всюду он грабил и оглядывался, нет ли поблизости сторожей.

Что ж, вор есть вор, и он не привлек бы нашего внимания, если бы не проявил склонно-

сти к сатирической литературе. Повсеместно, где бы ни крал, Бурлаков оставлял язвительные записки, в которых клеймил и обличал сторожей-ротозеев.

В магазине села Чепурновка, Мордовской АССР: «Покушал. Мерси!»

В магазине деревни Атыково, Чувашской АССР: «Сторожа надо уволить. Спит».

В рабкооповском магазине № 9 совхоза имени Калинина, Горьковской области: «Эх вы, голова — два уха!»

В смысле художественности эти произведения опять-таки не заслуживают внимания. Но нельзя не признать справедливой их критическую направленность...

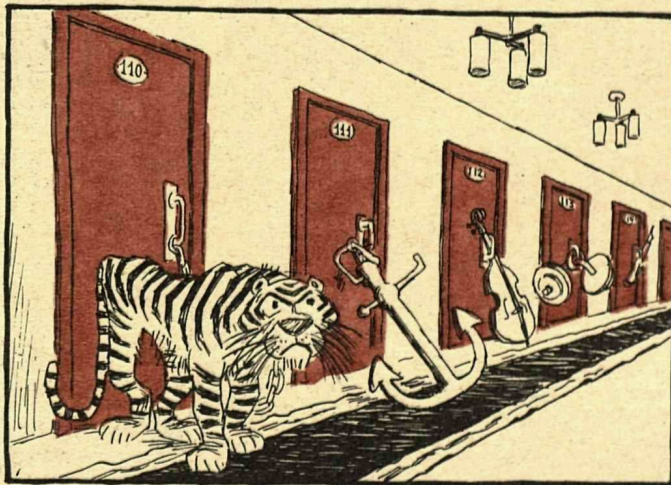
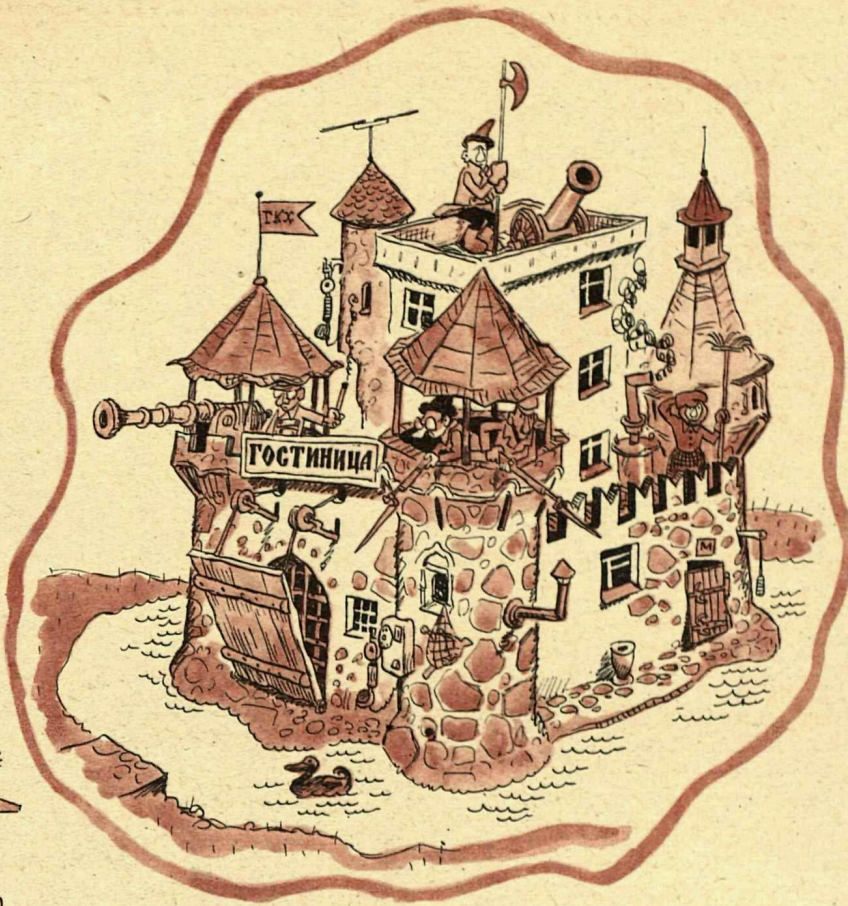
Ю. З.

КОЕ-ЧТО КОСТИ НА САЖ

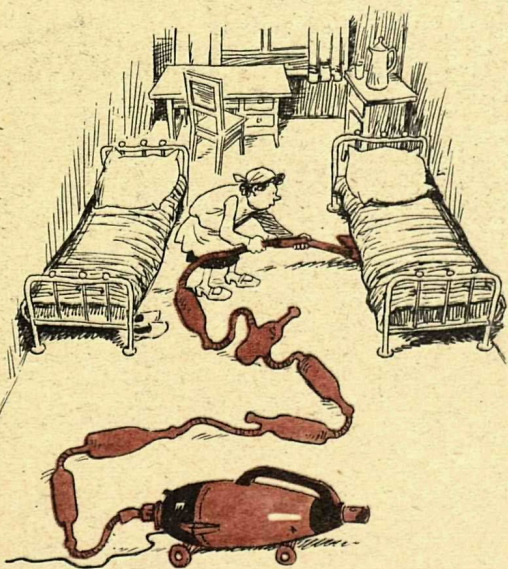
Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

Гостиница в представлении командированного.

Забронированы...

Уборка номера.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Муж-инженер говорит жене:

— Милая Бетти, не поделишься ли ты со мной рецептом этого пирога? Я думаю, твой метод произвел бы революцию в цементной промышленности.

Американка пришла в косметический кабинет. Врач сделал ей древнегреческий профиль, разгладил морщины, удалил двойной подбородок и уменьшил наполвину рот.

— Что еще, миссис? — спросил врач.

— А вы можете сделать мне большие и выразительные глаза?

— Разумеется, — ответил специалист и, повернувшись к жене, сказал: — Дайте даме счет!

Дело происходит в аду. Папа-черт возвращается домой. Мама-чертовка подводит за руку маленького чертенка и говорит мужу:

— Можешь сегодня его отшлепать. Целый день вел себя, как ангел.

Школьники обращаются к матери:

— Мама, я схожу опущу письмо в почтовый ящик.

— Ты что? На улице ветер, дождь льет как из ведра. Хорошая хозяйка даже собаку не выпустит из дому в такую погоду! Пусть отец сходит.

Два молодых человека сидят на скамейке в парке в ожидании своих возлюбленных. Один, попивая кофе из термоса и заедая бутербродом, обращается ко второму:

— Я смотрю, вы не запаслись едой. Готов биться об заклад, что это — первое свидание в вашей жизни.

Жена говорит мужу, наливающему в рюмку коньяк:

— Ты должен брать пример со зверей. Они никогда не пьют, если в этом нет необходимости.

— Верно. Но они никогда и не говорят под руку.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Адрес редакции:
Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14.
Тел. Д 0-10-86.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ [ответственный секретарь], Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМIRHOV, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Издательство «Правда»
А 10241. Изд. № 233.
Подписано к печати 29/III—66 г.
Формат бум. 70×108¹/₈.
Тираж 4 300 000 экз.
1 бум. л.—2,74 печ. л.
Зак. № 966.

БОННСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ
— Мы не видим путей сближения с Восточной Германией...

Рисунок Бориса ЛЕО